

Однако этот фрагмент стихотворения уже не разделяется надвое так, как первая и вторая строки: если в первой и второй строках сказано о двух разных существах изображаемого поэтом мира (о коте и о мальчике), то в третьей и четвертой строках говорится об одном и том же явлении — о буре; только в третьем стихе она обозначена именно словом “бура”, а в четвертом — словом “ветер”. Таким образом, третья и четвертая строки содержат смысловой повтор. Цель этого повтора — выразительная: усилить представление о разгулявшейся стихии.

Синтаксически третья и четвертая строки похожи, но их похожесть — “обратная”. Третья открывается обстоятельством места “на дворе”, за которым следуют сказуемое и подлежащее. Четвертая же строка, наоборот, открывается подлежащим, за которым стоит сказуемое, а закрывает строку тот же оборот “на дворе”, которым начинался предыдущий стих. Посредством такого “обратного” построения двух соседних стихов, своеобразного их “завихрения”, вероятно, передаётся кружение ветра-метели. Но одновременно зеркальная синтаксическая симметрия этих строк, может быть, ассоциируется с замкнутым пространством комнаты, границы которой не может нарушить разыгравшийся ветер.

Дом в стихотворении — это, почти несомненно, помещичья усадьба с окружающим её двором; менее вероятно, что это городская усадьба, окружённая забором с воротами. (Такая деталь, как ковёр, исключает возможность понимания дома как крестьянской избы, — в крестьянских домах ковров не было.)

Центральная часть стихотворения — приказание, обращённое к мальчику и, по-видимому, принадлежащее его матери или, скорее, — если принять во внимание строгость и повелительность тона, — отцу. Б.Я. Бухштаб приписывает это обращение матери или няне мальчика (*Бухштаб Б.Я. А.А. Фет // Фет А.А. Полное собрание стихотворений / Вступ. ст., подг. текста и примеч. Б.Я. Бухштаба. Л., 1959. С. 35* [Библиотека поэта. Большая серия]). Едва ли эти слова принадлежат няне: и повелевающая интонация, и приказание прийти попрощаться перед сном этому противоречат.

Кто произносит эти слова, неизвестно: читатель слышит их, но “не видит” говорящего. Такой приём “умолчания”, может быть, мотивирован дремотным восприятием мальчика и/или кота (ведь дальше говорится о его взгляде: “А кот глазами // Поводил”). Строфа состоит из четырёх обращений-приказаний, три из которых выражены глаголами в повелительном наклонении. Эти категоричные обращения нарушают мирную дремоту в комнате.

Третья, последняя строфа соотнесена с первой по принципу неполной зеркальной симметрии: в первой строке говорится о вставшем мальчике и назван кот, но о его продолжающемся пении упоминается только в следующем стихе: вторжение повелительного голоса нарушило сонный покой в детской.

*Мальчик встал. А кот глазами
Поводил и всё поёт...*

Нарушение блаженного покоя передаётся стихотворным переносом: “А кот глазами // Поводил и всё поёт”.

Но вскоре прежнее состояние дремоты восстанавливается: по-прежнему “кот <...> поёт”, как и в первой строке произведения.

В третьей и четвертой строках описывается, как и в третьем и четвертом стихах первой главы, буря.

*В окна снег валит клоками,
Буря свищет у ворот.*

Однако и здесь нет тождества с описанием бури в первой строфе. С одной стороны, стихия, кажется, разыгралась ещё сильнее: она уже пытается проникнуть внутрь дома, “атакует” его границу — окно: “В окна снег валит клоками”. Только из этой, предпоследней строки становится ясно, что непогода — зимняя. С другой стороны, теперь сказано, что “буря свищет” уже не “на дворе”, а “у ворот”, то есть дальше от дома, за пределами двора. Уюту и покою дома ничто не угрожает. При этом синтаксис последних двух строк текста почти тождествен с синтаксисом последних строк первой строфы: обстоятельство места + подлежащее + сказуемое + обстоятельство образа действия (клоками — этого элемента в первой строфе не было); подлежащее + сказуемое + обстоятельство места.

У Фета “часты повторы целых стихов — обычно в конце строф, без изменений (как в стихотворении «Мы встретились вновь после долгой разлуки...») или с вариациями (как в стихотворении «Фантазия», где последняя строфа повторяет первую, или как в стихотворениях «Я тебе ничего не скажу...», «Месяц зеркальный плывёт по лазурной пустыне...»), где два начальных стиха в обратном порядке повторяются в двух конечных стихах. Нередки и более сложные повторы, как в стихотворении «Певице», где последняя строфа объединяет (с вариациями) первые два стиха первой строфы с двумя последними стихами второй строфы” (*Бухштаб Б.Я. А.А. Фет. С. 49–50*). В стихотворении «Кот поёт, глаза прищуря...» поэт тонко играет на повторах и на неполном сходстве повторяющихся слов, выражений, строк.

В стихотворении даётся изображение простой сценки, облечённое в форму фрагмента: сценка-миниатюра словно вырвана из повседневности, неизвестно ничего ни о времени, ни о месте этого эпизода, ни о мальчике, ни о взрослом.

Мир, воссозданный в стихотворении, — обыденный. Фет неоднократно настойчиво утверждал, что источником поэтического произведения могут быть самые обыкновенные, случайно увиденные вещи и явления: “К чему искать сюжеты для стихов, сюжеты эти на каждом шагу — брось на стул женское платье или погляди на двух ворон, которые уселись на заборе, вот тебе и сюжеты”, — объяснял он ещё в